

АЛЬБИНА
НУРИ

ВРЕМЯ
КОШМАРОВ

Альбина Нури
Время кошмаров

«Автор»

2020

Нури А.

Время кошмаров / А. Нури — «Автор», 2020

Существуют страшные истории – нечто вроде народного фольклора, городских легенд. Они много раз вдохновляли писателей, сценаристов и режиссеров, становились основой для кинофильмов, книг, игр, интернет-историй, и каждый автор рассказывал их по-своему. Происшествия на ночных дорогах, проклятые предметы, ожившие куклы, демоны, живущие в зеркалах, заброшенные деревни, населенные нечистью, ужасы, подстерегающие людей в «нехороших» квартирах и домах – в этом сборнике вы прочитаете страшные рассказы на самые жуткие темы.

© Нури А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Вместо предисловия	5
Тайна мертвой деревни	6
Серая старушка	15
Эмма, Эмиль и я	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Альбина Нури

Время кошмаров

Сборник рассказов

Вместо предисловия

Дорогой читатель!

Прежде чем вы приступите к чтению, хочу сказать несколько слов о сборнике рассказов, который сейчас перед вами.

Существуют страшные истории – нечто вроде народного фольклора, городских легенд, которые так или иначе известны всем, которые пугали наших родителей, вызывают ужас у нас самих и будут страшить наших детей.

Никто уже не знает, кто рассказал их в первый раз, есть ли у них реальная основа или это выдумки от первого до последнего слова, да это и не важно! Главное, что истории эти много раз вдохновляли писателей, сценаристов и режиссеров, становились основой для кинофильмов, книг, игр, интернет-историй.

Каждый автор рассказывает их по-своему. Меняется антураж, герои и место действия, но неизменной остается суть... Происшествия на ночных дорогах, проклятые предметы, ожившие куклы, демоны, живущие в зеркалах, заброшенные деревни, населенные нечистью, ужасы, подстерегающие людей в «нехороших» квартирах и домах – согласитесь, как сильно все это щекочет нервы!

Я давно пишу мистические триллеры, так что ужасы и мистика – это мой любимый жанр. Для этого сборника я выбрала самые, по моему мнению, жуткие темы, и надеюсь, что в моем изложении они покажутся вам интересными и страшными.

Сразу скажу: не ждите любовной мистики и сладких историй с непременно хэппи-эндом. В этом случае лучше сразу проходите мимо. Моя цель – хорошенько напугать вас!

Тайна мертвой деревни

Кто первым подал идею махнуть на майские праздники в деревню, теперь уже не вспомнишь. Идея зрела, зрела с начала весны и вызрела.

Стася, правда, капризничала – мол, далеко, целых триста километров, и еще не известно, что там за условия, поэтому лучше, как обычно, на чью-нибудь дачу. Но Даня ее переубедил. Кому эта дача нужна? Что там делать? На соседей, которые кверху задом на грядках стоят, любоваться? А в деревне природа красивая, места, можно сказать, дикие. Экзотика!

Даня, правда, сто лет не был в Ягодном и точно не знал, что именно за «экзотика» их ждет (вполне возможно, что полуразвалившийся туалет на улице и отсыревшие простыни), но ему просто, можно сказать, приспичило туда поехать. В детстве, лет до двенадцати, он каждое лето отдыхал в деревне у бабушки. В памяти остался аромат антоновских яблок, походы к озеру и вкусные бабушкины блины, политые деревенской сметаной.

В общем, уговорил всех. Поехали.

Дом был добротный, крепкий еще, с большим, хотя и запущенным садом. Почти такой, каким он и запомнился Дане – разве что поменьше размером. И бабушки, что встречала внука у калитки, уже три года не было в живых.

Родители решали, что делать с домом, судили, рядили, да так ничего и не придумали. Вроде и не нужен он никому: от города далеко, не наездишься, да и когда ездить? У всех работа, а в отпуске не в деревне хочется сидеть, а на берегу южного моря греться. Проще всего было бы продать, но из-за того, что деревня в глуши, много за него не дадут, а за копейки – жалко.

Так и стоял дом, как чемодан без ручки: и взять никак, и выкинуть жалко.

– Прикольный домик, – протянула Стася.

– Я же говорил, тебе понравится.

День пролетел незаметно: вытащили из дому стулья, сидели в саду, на солнышке, слушали музыку, жарили шашлыки, пили красное вино и пиво. Стася делала бесконечные селфи и постила в Инстаграм «романтичный отдых на природе».

Ближе к вечеру, когда стало прохладно, перебрались в дом и продолжили уже внутри. А в половине девятого обнаружилось, что выпивка кончилась.

– Говорил же, надо было еще пива взять, – досадливо проговорил Рома. Лицо его покраснело, он был заметно навеселе, и Вика, его девушка, смотрела сердито: не любила, когда он перебирал со спиртным.

– Сколько ни бери, все равно два раза бегать! – пожал плечами Даня. – Поедем, что ли, за горячим?

Он обвел взглядом всю компанию.

– Я пас, – сказал Максим. – Пойду, наверное.

– Куда это ты собрался? – возмутился Даня. – Время детское!

Он и сам не понимал, зачем пытается удержать Макса. Времена, когда они были друзьями, прошли давным-давно, товарищ по детским играм превратился в серьезного, немного скучноватого, немногословного парня.

Оказывается, он до сих пор жил здесь, в деревне. Даня увидел Макса днем, когда они только-только приехали, сразу узнал и затащил в гости. Тот не отказался, но, похоже, компания была ему не очень-то по душе.

Время от времени Даня хлопал Макса по плечу и нес чепуху вроде:

– Помнишь, как я приезжал, и мы все лето отжигали, да, Макс?

Ни тот, ни другой толком ничего такого не помнили, и Макс явно было не по себе, но он давил из себя улыбку и кивал: дескать, помню, а как же.

Стася косилась на него и закатывала глаза, считая, видимо, деревенским увальнем. Вика снисходительно улыбалась.

– Ты учишься где-то? – спросил Макса Даня.

– Учился в колледже. Окончил, вернулся сюда.

– А чего в универ не пошел? – не отставал Даня. Он и его друзья учились на последнем курсе.

– И что тут делать? – встряла Стася. – Коровам хвосты крутить?

Максим покраснел, но ответил спокойно:

– Коров тут никто не держит. Свиней в основном. – Он поднял глаза, посмотрел прямо на Стасю, и Даня в этот момент почему-то вспомнил, что в их компании именно Макс, а не он сам всегда был лидером. – Мне здесь нравится. У нас с отцом ферма. Если все будут жить в городе, кто будет кормить городских?

Стася поджала губы, но ничего не возразила.

Это все было еще в начале их посиделок, а теперь вот Макс хотел было уйти домой, но Дане отчего-то не хотелось его отпускать.

– Купим еще выпить. И сладкого чего-нибудь, к чаю!

– Какой чай? – усмехнулся Рома.

– Так мы едем или нет?

– Местный магазин до восьми, – сказал Макс. – Уже закрыто, так что...

– Погоди, а в районе? – Даня имел в виду большой, довольно оживленный поселок, который был километрах в двадцати пяти. – Там до сколько?

– Там и круглосуточные есть.

Даня вскочил со стула и потянулся за ключами от машины.

– Все, я погнал. Кто со мной?

– Поехали! – Ромка поднялся, покачнувшись, и тут же упал обратно.

– Обалдел? – Вика округлила глаза и дернула его за рукав. – Ты же пьяный! Вы оба!

– Если гаишники на дороге будут... – Начала было Стася, но Даню осенило:

– А мы по другой дороге поедem! По проселочной! Так, кстати, короче! С детства помню, что там...

– Нет! – неожиданно громко и резко сказал Максим.

Все умолкли и удивленно воззрились на него. Даня снова сел за стол.

– В смысле – «нет»? – Стася приподняла тщательно прорисованные брови.

Максим, кажется, немного смутился, но упрямо проговорил:

– Это плохая дорога. Нечего там делать, особенно ночью.

– Что, тоже менты караулят? – глупо спросил Рома.

– Не в них дело.

В памяти Дани забрезжили обрывки воспоминаний. Когда он был маленьким, бабушка наказывала быть осторожнее, рассказывала что-то о старой дороге, только вот что? Уже и не вспомнить.

– Это же какие-то местные сказки, да? – спросил он Макса.

– Не сказки. Никто по той дороге после заката не ездит и не ходит.

– Ты сейчас серьезно? – недоверчиво улыбнулась Вика. – Прямо фильм ужасов! Может, расскажешь?

Макс бросил на нее беглый взгляд и поколебался, словно решаясь на что-то, а потом ответил:

– Она проходит мимо деревни Студеное. Здесь ее называют мертвой.

– Мало ли в России брошенных деревень! – махнул рукой Рома.

– Она не брошенная, а именно мертвая. Люди оттуда не уезжали. Они умерли: всех убили, даже маленьких детей.

– Почему? – спросил Даня и вспомнил, что, вроде бы, было там что-то связанное с цыганами.

– Это были цыгане, – подтвердил его догадку Максим. – Пришли откуда-то, построили дома, стали жить. Цыганки ходили ворожить по селам, мужья их тоже чем-то промышляли. А потом... Люди их не любили. Хоть и бегали девки деревенские погадать, а бабы за настойками разными обращались, но все равно. В колдовстве обвиняли. Помрет младенец – вспомнят, что цыганка в деревню приходила. Заболеет кто или дом сгорит – опять они виноваты. А тут еще на беду мор скота начался. В общем, собрались мужики с окрестных деревень, да и... Кого зарубили, кого на вилы подняли, а большинство сожгли заживо в собственных домах.

– Давно это было? – Рома, кажется, даже отрезвел немного.

Максим пожал плечами.

– Моей бабушке рассказывала ее бабушка, так что...

– Ну, так это сто лет назад было. Нам-то что? – Стася сморщила точеный носик.

– Со смертью цыган все только началось. У нас говорят о цыганском проклятии: оно такое сильное, что его не снять. Люди в тех местах стали пропадать. Исчезать бесследно. Если кто по дурацки забредал в мертвую деревню после заката, все, считай, сгинул. Днем ничего, если уж очень надо, можно проехать. Но ночью...

– А что там по ночам творится?

Даня заметил в глазах Стаси жадный интерес и понял, что она не только не испугалась, но и, наоборот, загорелась желанием туда поехать – причем именно ночью. Пришлась ему по нраву ее смелость или нет, он пока не понял.

– Те, кто могли бы рассказать, обратно не вернулись. Так что спросить не у кого, никто не знает.

– Ты веришь в эту чушь? – спросила Вика. Вопрос прозвучал нервно, и Даня понял: сама она точно верит.

– Я знаю, что оттуда пригоняли мотоциклы, машины. Есть тут у нас в райцентре один умелец... – Даня нахмурился, – разбирает на запчасти, продает потом. Местные в те края не суются, значит, это техника кого-то из приезжих. Машины и мотоциклы стояли пустые, людей не было.

Слова прозвучали зловеще, и Даня почувствовал, что ему не по себе. Черт знает, что там правда творится, в этой деревне, но зачем нарываться на неприятности? Да и спать уже хочется. Даня молчал, думая, как сказать, что он передумал ехать, но при этом не подать виду, что испугался.

И тут снова вмешалась Стася. Положила ладонь на его руку и сказала:

– Данечка, если мы все хотим продолжения банкета, так поехали! Я с тобой!

– Продолжить можно и завтра... – Начал было Максим, но Стася его перебила:

– Хватит уже пугать нас деревенскими страшилками! Ждешь, что мы тоже опишемся от страха, как и ты? Если вы тут всем колхозом трясетесь из-за ерунды, так нечего нормальным людям мозги парить.

Она презрительно усмехнулась, поднялась из-за стола и посмотрела на Даню:

– Или ты тоже испугался, как и твой дружок?

Что тут скажешь? Пришлось растянуть губы в улыбке, всем видом показывая, что плевать ему на эти рассказы.

Максим посмотрел на Стасю с нескрываемой антипатией. Кажется, хотел сказать что-то, но промолчал.

Даня и Стася пошли к машине. Остальные потянулись проводить. На ходу переговаривались, пересмеивались, обсуждали, что покупать.

– Мы мигом, туда и обратно, – сказал Даня, заводя двигатель.

– Расскажем вам потом про ходячих мертвецов, – пообещала Стася и насмешливо скривила губы, глядя на Макса.

Тот стоял в стороне, а потом вдруг подошел, наклонился к Дане и проговорил, глядя ему прямо в глаза и подчеркнуто игнорируя его девушку:

– Доехать просто: после поворота до райцентра дорога одна, не заблудишься. Только не останавливайся, пока до поселка не доедешь. Что бы ни увидел, не вздумай останавливаться, из машины не выходи!

– Бред, – фыркнула Стася.

Даня посмотрел на Макса и хотел было выдать какую-нибудь шутку, но наткнулся на серьезный взгляд и передумал.

– Хорошо, – коротко ответил он, и машина тронулась с места.

Они вскоре выехали из Ягодного. Почти во всех окнах горел свет, уличные фонари, склонив головы, провожали проезжающий автомобиль грустными взглядами желтых глаз.

Стася включила музыку на полную громкость и покачивала головой в такт. Даня предпочел бы, чтобы она сделала потише – голова слегка побаливала, но он не стал просить ее об этом.

Вот и поворот на старую дорогу. Даню так и тянуло проехать прямо, на шоссе, но он подумал, что история Макса, может, и выдумка («Конечно, выдумка, что же еще!»), а вот встреча с гаишниками – еще какая реальность.

Даня вывернул руль, и машина послушно направилась в нужную сторону.

«Тут и ехать-то всего ничего», – подумал Даня, успокаивая себя. Дурное предчувствие или страх – он и сам не знал, что не дает ему покоя. Даня покосился на Стасю, и впервые в жизни ее красивое лицо показалось ему отталкивающим.

Он поспешно отвернулся, сам испугавшись силы своей неприязни, и стал вглядываться в убегающую вперед темную ленту дороги. Скорость пришлось сбросить: по обе стороны теперь возвышался лес, никакого освещения не было. Несущаяся в полной темноте машина со стороны казалась, наверное, кометой, пролетающей во мраке.

В первый момент Даня даже не понял, что произошло. Ему показалось, он оглох, но Стася повернулась и воскликнула:

– Блин, что такое?

Только что в салоне гремел голос великолепного Фредди Меркьюри, а в следующую секунду все смолкло. Даня потянулся к магнитоле, пробежал пальцами по кнопкам – бесполезно.

– Мертвая, – вздохнул Даня и сам на себя разозлился: зачем это сказал? Почему произнес именно такое слово? – Вернемся – посмотрю, в чем дело, – добавил он.

Стася надулась: так всегда бывало, если что не по ней. Но Дане сейчас было плевать на ее обиды. Быстрее бы до поселка добраться. Темнота начала не на шутку напрягать, в голову лезли мысли о том, что может в ней таиться.

«Где она, деревня эта? Может, мы ее уже проехали?»

Свет впереди возник внезапно, словно бы ниоткуда. Секунду назад всюду была непроглядная тьма – и вот уже переливаются огни.

– Вот и поселок! – радостно проговорила Стася. – Быстро доехали!

– Слишком быстро, – буркнул Даня, взглянув на приборную панель. – Еще как минимум километров десять.

Но впереди точно было поселение – ошибиться невозможно. Может, еще какая-то деревня, вроде Ягодного?

– Вон указатель! – Стася вскинула руку. – Что там написано?

В свете фар высветился столбик с прямоугольной табличкой. На табличке было написано «Студеное». Надпись выглядела свежей.

Даня и Стася переглянулись, и девушка торжествующе улыбнулась.

– А что я говорила?

– Ммм? – промычал Даня. Он не мог сообразить, что это должно означать.

– Надул тебя Макс твой придурочный! «Мертвая деревня», – передразнила она. – У-у-у, как страшно! И все купились!

Студеное было уже в нескольких десятках метров.

– Самый обычный поселок!

Да, так и есть: уже можно было разглядеть ряды домов, ярко освещенные окна, фонари.

– Зачем ему было врать, выдумывать эту чушь? – недоуменно проговорил Даня. – Да еще так натурально. Я почти поверил.

– Думал, видать, что это очень смешно. Самооценку свою поднять хотел. За наш счет.

Наверное, она права. Даже наверняка. Но что-то тревожило, не давало покоя.

– Смотри, магазин!

Недалеко от дороги стояло приземистое здание, на котором красовалась вывеска «Продукты. 24 часа».

– Зачем дальше ехать? Тут тоже все можно купить. Давай зайдем! – предложила Стася.

«Что бы ни увидел, не вздумай останавливаться, из машины не выходи!» – пришли на ум слова Макса. Кто сказал, что путники непременно должны обнаружить на дороге призрак или еще нечто зловещее? Может, это окажется то, что им *хочется* увидеть – в этом вся фишка?

– Чего молчишь?

«Да какого черта! – подумал Даня, внезапно рассердившись на приятеля. – В гробу я видал эти тупые приколы!»

Автомобиль плавно притормозил неподалеку от входа в магазин, и Даня, больше не колеблясь, вышел из машины.

Стася выбралась следом.

Ничего необычного. Такая же деревня, как и Ягодное, только более оживленная: откуда доносятся звуки музыки, до сих пор слышны голоса детей, которых матери не загнали по домам.

Даня и Стася подошли к магазину. Колокольчик над дверью негромко звякнул, и молодые люди очутились внутри. Это был самый обычный сельский магазинчик: на полках лежали пакеты с мукой и сахарным песком, коробки конфет и печенья, пачки чая, стояли бутылки с растительным маслом, а по соседству – упаковки стирального порошка и бруски мыла.

Алкоголь продавался возле кассы, и Даня со Стасей направились напрямик туда.

– Добрый вечер, – улыбнулась им пожилая продавщица, сверкая золотыми зубами.

Они поздоровались в ответ.

– Откуда к нам такие симпатичные ребята?

Даня ответил, что они приехали погостить в Ягодное.

Стася изучала ряды бутылок, выбирая, что взять.

– Не стесняйтесь, дорогие. Что вам предложить?

Хлопнула входная дверь, звякнул колокольчик. На пороге появились мужчина, женщина и маленькая девочка лет шести. На ребенке была курточка, на которой красовался кот Леопольд. Кажется, дети сейчас смотрят другие мультики, подумалось Дане.

Да и мужчина с женщиной были одеты необычно. Кажется, плащ такого фасона, с широкими подкладными плечами и клёпками, был у бабушки. Она говорила, что когда-то, в молодости, кое-как «оторвала» его в магазине, и он считался в те времена невероятно модным.

– Вечер добрый, – густым басом проговорил мужчина. Женщина убрала за ухо светлую прядь и улыбнулась продавщице.

– Добрый, самый добрый! Видите, гости у нас, – сладким до приторности голосом проговорила та.

Подошла Стася, неся две бутылки красного вина.

– Пиво у вас есть холодное? – спросила она.

– У нас все есть, – пропела продавщица и снова раздвинула губы в улыбке. Потом отвернулась и пошла к холодильнику.

Даня нахмурился: ему казалось, зубы у нее золотые, он еще внимание на это обратил. Теперь же ясно видел, что рот женщины полон мелких желтоватых зубов. Слишком мелких и слишком... острых? По позвоночнику пробежал холодок.

– Чем это пахнет? – поморщилась Стася, и Даня тоже почувствовал противную вонь.

Пахло так, будто рядом находилось болото с протухшей стоячей водой. Но ведь только что никакого запаха не было, Даня готов был поклясться!

Он посмотрел на мужчину и женщину, что стояли рядом. Кожа у них была неестественно белая, глаза мутные, тусклые, как монеты, стершиеся от долгого хождения. Кажется, запах шел от них.

Даня поспешно отвернулся и тут же подскочил от неожиданности, ощутив чье-то прикосновение к своей руке.

– Дядя, вы мармелад любите? – спросила девочка.

Что за чушь, мелькнуло в голове, какой еще мармелад? При чем тут он?

Девочка улыбнулась и протянула ему упаковку сладостей. Только тут Даня заметил, что волосы у нее свалывшиеся, потемневшие от грязи, а в них... Боже, кажется, в волосах девочки копошились черви!

Но этого не было! Когда эти трое вошли в магазин, волосы ребенка были заплетены в тугие косички! Да и родители ее выглядели вполне нормально! Даня снова бросил взгляд на женщину и мужчину.

Их одежду словно вытащили из мусорного бака: с плеч женщины свисали лохмотья плаща, куртка мужчины была в чем-то вымазана.

«Не надо было останавливаться!» – подумал Даня и решительно сказал:

– Стася, мы уходим. Купим все в другом магазине.

– С чего ты это... – начала было она, но тут перевела взгляд на женщину и вскрикнула, прижав руки ко рту.

Даня проследил за ее взглядом и окаменел. Лицо женщины было покрыто отвратительными трупными пятнами. Зловоние стало еще сильнее, запах накатывал волнами, вызывая тошноту. Остатки некогда светлых волос серыми клочьями свисали с черепа. Женщина подняла руку и прикоснулась к щеке. Кусок кожи со скулы отвалился, обнажая кость.

Стася завопила, и ее крик заглушил звяканье колокольчика, возвестившего о том, что в магазин вошли новые посетители. Даня схватил девушку за руку и развернулся в сторону двери, приготовившись бежать, но увидел, что там стоят еще несколько человек – в жутких отрепьях, с изуродованными лицами.

«Мертвецы! Мертвецы в мертвой деревне!» – пронеслось в голове у Дани.

Бежать некуда: они стояли, прижавшись к стойке кассы. Толпа мертвецов была перед ними.

«Запасной выход!» – подумал Даня, резко обернулся и увидел вернувшуюся продавщицу. Пива, за которым она якобы пошла, в руках у нее не было. Да и рук не было – лишь почерневшие, словно обглоданные, кости.

В панике Даня прижал к себе Стасю, которая больше не кричала, лишь смотрела обезумевшим взглядом и дышала мелко и часто.

– Мы любим гостей, – сказала мертвая девочка, – и умеем их приглашать. Кто к нам приезжает, больше не уходит! Остается навсегда.

В этот миг Даня увидел, что никакого магазина, прилавка и кассы нет. Они со Стасей стояли, прижимаясь друг к другу, посреди пустыря, в окружении страшных темных фигур – еще более темных, чем окружающая их тьма.

Даня хотел закричать, но крик, так и не родившись, умер внутри него.
А в следующее мгновение чудовищные жители Студеного набросились на них.

Макс и Вика сидели за неубранным столом, стараясь убедить друг друга, что Даня и Стася вот-вот вернутся. Только они не приехали ни в десять, ни в одиннадцать, ни в двенадцать. Рома уснул, перебравшись в кресло, сразу после того, как ребята уехали, и Вика решила его не будить.

Ближе к полуночи она убрала грязные тарелки в раковину, вымыла посуду. Ей нужно было отвлечься, а простые, привычные дела успокаивали.

Время шло. Стрелки старомодных часов, висящих на стене, резво бежали по кругу.

– Что нам делать? – в который раз спросила Вика.

Полвторого ночи, успокаивать себя нечем. То, что со Стасей и Даней случилось плохое, было очевидно. Если бы ребята напоролась на полицию, и у них отобрали машину за вождение в нетрезвом виде, или, что хуже, произошла авария, то они бы уже об этом узнали. Но телефоны Дани и Стаси были отключены, хотя обычно Стася ни на минуту не расставалась со смартфоном.

– Ничего, – снова ответил ей Макс. – Пока не рассветло, мы ничего не можем сделать.

– Но нужно же что-то... – На глаза Вики набежали слезы, и она смахнула их, размазав при этом тушь. – У тебя есть машина? Может, съездить за ними? Вдруг им нужна помощь?

– Ты хочешь умереть? – невыразительным голосом спросил Макс. – Лично я нет. Я их предупреждал.

Максим ушел ночевать к себе. Вика прилегла на диван, но заснуть так и не смогла.

Рано утром, около семи, к дому Даниной бабушки подъехала машина. За рулем «Фольксвагена» был отец Макса, а сам он сидел рядом.

Бледная от бессонной ночи Вика и растерянный, потрясенный Рома тут же вышли на улицу.

– Садитесь. Съездим, посмотрим, что там, – сказал Макс.

– Не бойтесь, днем там безопасно, – проговорил его отец.

Ехали молча. Говорить было не о чем.

Миновав Ягодное, вскоре они свернули на дорогу, что шла мимо мертвой деревни. Вдоль обочины тянулся лес. Листья на деревьях еще не появились, голые ветви были похожи на обнаженные тонкие руки.

Проехав километров пятнадцать или около того, они увидели впереди открытое пространство.

– Прибыли, – обронил отец Максима. – Вон она.

Лес словно бы расступился, окружив площадку плотным кольцом, но не решаясь приблизиться. Пустырь зарос бурьяном, желтая прошлогодняя трава и кусты доходили до пояса. Деревня, судя по всему, была не очень большая – наверное, домов пятнадцать, а то и меньше. Сейчас представить себе на месте этого унылого, наводящего тоску пустого пространства шумное поселение было невозможно.

– Вон их машина! – воскликнул Максим.

У обочины приткнулся автомобиль. Сразу они его не заметили: дорога здесь делала поворот. Отец Максима затормозил, и вскоре все четверо бежали к автомобилю.

Внутри никого не было. Дверцы оказались закрыты, но не заперты, сигнализация не включена.

– Значит, все-таки остановились, – тихо сказал Макс. В голосе прозвучала безнадежность. Стало ясно, что живыми ни Стасю, ни Даню им не увидеть. – Зачем? Говорил же...

– Кто знает, что тут случилось. – Его отец покачал головой. – Всегда одна и та же картина. В машине пусто, людей искать бесполезно.

Они с Максимом и Ромой заговорили о том, что нужно позвонить в полицию, сообщить родителям, а Вика побрела в сторону пустыря. Кругом было тихо, голоса мужчин таяли за спиной. Никто не останавливал ее, Рома и все остальные будто и вовсе забыли о ее существовании.

Девушка и сама не знала, куда идет и зачем. Ноги несли ее вглубь разоренной, ушедшей под землю, уничтоженной деревни. Впереди, на пяточке, лишенном травы, блеснуло что-то, и Вика прибавила шаг.

Наклонившись, она увидела смартфон Стаси. Экран треснул, как будто на него наступили каблуком; фальшивые бриллианты, украшающие чехол, сверкали на солнце, словно капли слез.

В этот момент Вика окончательно поняла, что Стаси больше нет. Она взяла брошенный, ставший ненужным хозяйке телефон, и хотела уже крикнуть, сообщить о своей находке, как вдруг что-то будто бы взорвалось в ее голове, и она услышала вкрадчивый голос, ласковый и вместе с тем алчный:

– Почему не пришла за мной прошлой ночью? Приходи сегодня! Мы любим гостей!

Вика выронила телефон и завертелась на месте, пытаясь понять, откуда доносится голос Стаси, пока не осознала, что он звучит лишь в ее голове.

Ощущение невидимого присутствия было таким отчетливым, что Вика была готова поклясться: ей не почудилось. Стася, которая приехала в мертвую деревню вчера поздно вечером, все еще здесь. И Даня – тоже. И другие люди, попавшие сюда и нашедшие тут свою гибель.

Вместо жизни – ее отвратительное подобие.

Вместо смерти и покоя – вечный голод и ненависть мертвых к живым.

Вика резко развернулась и побежала прочь отсюда, к мужчинам, которые все еще стояли, разговаривая о чем-то.

Бежать было трудно: так обычно бежишь в ночном кошмаре, когда кажется, что ноги утопают в чем-то вязком, колени подгибаются.

Кусты, словно цепкие пальцы, хватали девушку за ноги, хлестали по коленям, будто плетка. Жухлая трава обвивалась вокруг лодыжек. Это место пыталось остановить ее, удержать до тех пор, пока не наступит ночь!

Было светло, но Вике казалось, что тьма стущается вокруг нее. В голове помутилось от страха: фигуры Ромы, Макса и его отца вдруг стали отдаляться, вместо того, чтобы приближаться...

Вика споткнулась и с воплем полетела на землю.

Очнулась на руках у Ромы. Перепуганный, он держал ее голову на коленях, сидя прямо на земле.

– Вичка! Ну, ты даешь! Напугала! – Он поцеловал ее. – Все хорошо?

– Что случилось? – спросила она, вспомнив, как бежала к ним по пустырю и все не могла добежать. Голос Стаси еще звучал в голове – теперь уже тихим эхом.

– Мы все стояли, разговаривали. Дядя Валера в полицию позвонил, у него там знакомые. Они уже едут. – Рома погладил девушку по щеке. – А ты стояла-стояла, да вдруг как закричишь – и свалилась. Еле-еле успел тебя подхватить.

– То есть я не ходила туда? – Вика повела глазами в сторону мертвой деревни.

Рома недоуменно посмотрел на нее.

– Туда? Зачем? Я бы и не пустил тебя.

– Но ведь... – Вика осеклась и прикусила губу.

– «Скорую» вызвать? – озабоченно спросил Рома.

Послышался шум подъезжающей машины.

– Не нужно никакой «скорой». Поехали отсюда скорее.

Рома помог Вике подняться. Люди в форме направлялись в их сторону, и он сказал, что уехать сразу нельзя, нужно рассказать обо всем, что они знают. Ведь, наверное, будет следствие.

Да, наверное, мысленно согласилась Вика. Следствие будет, хотя оно ничего и не даст. И она, Вика, расскажет, что случилось вчера. Но это будет последний раз, когда она заговорит об этом. А больше никогда, ни за что не станет вспоминать о произошедшем.

И о Ягодном не вспомнит, и о мертвой деревне.

И про Даню со Стасей вспоминать не будет, чтобы ненароком не вызвать их из той тьмы, в которой они теперь обитают.

Серая старушка

Квартира в пятиэтажном доме, где им с мамой теперь предстояло жить, Лёне не понравилась сразу, с первого взгляда. Он и сам не мог сказать, чем именно, не понравилась и все тут.

Мама ходила по квартире за риелтором, худой женщиной с рыжими волосами, заглядывала во все углы, поджимала губы и покачивала головой – хотела казаться спокойной и равнодушной. Но Лёня знал, что на самом деле она очень хочет снять эту квартиру: из прежней пришлось срочно съехать.

– До работы отсюда близко, автобусная остановка в двух шагах, – говорила мама, когда они полчаса назад шли к этому дому. – Школа в соседнем дворе, все магазины под боком. Очень удобно! А вдобавок цена! За «двушку» просят на две тысячи меньше, чем я видела за однокомнатную! «Хрущевка», конечно, но ничего страшного, и в них люди живут!

– Бесплатный сыр бывает только в мышеловке, – сказал Лёня, вспомнив пословицу, которую они проходили в школе.

Мама рассмеялась и потрепала его по волосам:

– Надо же, какие мы умные! И не бесплатно это, просто очень выгодно. Как я поняла, хозяевам надо сдать быстро, на долгий срок, порядочным людям. А мы же с тобой как раз такие, верно? Порядочные! Ладно, посмотрим. Может, там окна на мусорку. Или квартира на самом деле «убитая».

Теперь мама делала вид, что приглядывается, сомневается (может, надеялась еще цену сбавить?), но сама уже все решила. Квартира, если честно, и вправду казалась идеальной: и мебель почти новая, и чистота кругом, и окна выходят во двор, и тишина, и этаж четвертый – не высоко и не низко.

Но Лёне было здесь не по себе. Он подумал немного и понял, на что похоже его ощущение. В школе, где он до этого учился, был один мальчик, Кирилл. Он постоянно всех задирает, вечно норовит подраться. А Лёне и вовсе проходу не давал. Один раз услышал случайно, как бабушка (тогда она как раз приехала к ним погостить из своей Анапы) назвала его «Лёночкой». Он сто раз говорил бабуле, чтобы она никогда его так не звала, но та вечно забывала.

И все, с той поры этот Кирилл, стоило ему Лёню увидеть, начинал, как заведенный: «Посмотрите, кто тут у нас! Что это за девочка? А, это же Лее-е-еночка!»

Лёня старался избегать Кирилла. Всякий раз при его приближении чувствовал, что волосы на затылке будто бы приподнимаются, а по спине пробегает холодок. Неприятное, какое-то скользкое чувство.

И здесь, в этой квартире, Лёне тоже казалось, что за ним кто-то наблюдает и вот-вот выскочит из-за угла, набросится, обидит. Он понимал, что в квартире нет никого, кроме них с мамой и рыжей риелторши, но не мог отделаться от этого чувства.

– Думаю, нам подходит, – сказала мама, вдоволь нагулявшись и насмотревшись. – Да, Лёнька?

– Мама, а кто тут раньше жил? – выпалил Лёня. – Чья эта квартира?

Мама посмотрела сначала на сына, потом на риелторшу. Она, похоже, удивилась его вопросу, но все же поддержала:

– Да, правда – кто?

Женщина, как показалось Лёне, немного смутилась, но длилось это замешательство долю секунды, а после накрашенные оранжевой помадой тонкие губы разошлись в лисьей улыбке, и она проговорила:

– Хозяева живут в другом городе, потому и сдают квартиру через наше агентство. А до вас тут жила семья. Потом они купили квартиру и уехали.

Мама обернулась к Лёне:

– Доволен, Шерлок Холмс?

Лёня не был уверен, что знает, кто такой этот Шерлок, но на всякий случай кивнул. Хотя доволен не был.

Они переехали уже на следующий день.

– Смотри-ка, у тебя теперь будет своя собственная комната! – радостно проговорила мама. – А еще риелтор сказала, что если нам тут понравится и будет возможность купить, то можно будет договориться с хозяевами о скидке. Если на работе все будет хорошо, я постараюсь оформить ипотеку.

Мама обняла Лёню и прижала к себе. Так они стояли некоторое время, и Лёня точно знал, о чем она думает, потому что и сам думал о том же самом.

О том, как им жилось втроем, с папой. Папы больше нет: он попал в аварию, когда Лёня только-только пошел в первый класс, и теперь они с мамой жили одни.

Первая неделя на новом месте прошла хорошо. Лёня даже забыл о своих страхах: квартира ничем не отличалась от той, где они жили прежде. И даже от той, где они жили с папой, пока бабушка – папина мама, которая всегда терпеть не могла Лёнину маму, не велела им съехать, потому что квартира была, на самом деле, ее, а вовсе не их.

Мама устроила в их новом доме все по своему вкусу: разложила вещи по шкафам, поставила местами тумбочку и кресло в большой комнате, постелила коврик в ванной. А еще купила Лёне письменный стол, который поставили в его комнате. Прежде на этом месте стояло древнее черное пианино, и риелтор сказала, что можно его продать или подарить, чтобы освободить место для стола. Хозяева не против. Им оно без надобности.

Покупать инструмент никто не хотел, и тогда мама написала объявление про «бесплатный самовывоз». Почти сразу приехала толстая тетя с грузчиками, и вскоре на месте пианино красовался новенький стол.

– Через две недели каникулы закончатся, будешь сидеть тут и делать уроки! – Мама произнесла это таким радостным тоном, как будто Лёня только и мечтал о том, чтобы начать их делать.

С утра мама уходила на работу – она трудилась в стоматологической поликлинике, а Лёня оставался дома. Завтракал тем, что оставляла мама, играл в компьютерные игры, иногда выходил на улицу. Друзей у него тут пока не появилось, так что делать было особенно нечего, и поэтому вскоре он возвращался обратно в квартиру.

В одно из таких возвращений Лёня заметил, что ноутбук, который он поставил на зарядку, оставив на столе, лежит на кровати. Он стоял, смотрел на лэптоп и чувствовал знакомый уже противный холодок вдоль позвоночника.

«Но ведь я мог отключить его, положить на кровать и забыть?» – спросил Лёня сам себя. Это было разумное объяснение, и мама, когда он рассказал ей обо всем, сказала, что так и есть.

– Я и сама такая. – Она поставила перед ним тарелку с жареной картошкой, которую приготовила на ужин. – Вчерашний день не помню.

Лёня постарался убедить себя, что все хорошо, но это удавалось недолго. Утром, когда мама ушла на работу, Лёня проснулся и увидел возле себя стул.

Вроде бы ничего особенного – стул и стул, обычное дело. Но ведь с вечера стул стоял возле письменного стола. А теперь был придвинут вплотную к кровати, словно кто-то («Конечно, мама, кто еще?») поставил его тут, чтобы посидеть возле Лёни, посмотреть, как он спит.

«Оно сидело тут ночью и смотрело на меня. Я спал, а оно смотрело!»

Мысль была настолько пугающей, что Лёня пулей вылетел из кровати и едва не закричал на весь дом, услышав телефонный звонок.

– Доброе утро, соня! – сказала мама.

– Это ты стул поставила? – вместо приветствия спросил он.

– Стул? Какой еще стул?

Сердце упало. Объяснять было нечего, но Лёня все же ответил:

– Я проснулся, а он возле кровати стоит.

– Малыш, прости, не могу долго говорить, у меня люди, – торопливо проговорила мама. – Но ты не переживай. Наверное, это ты сам подвинул, ночью. Бывает такое. Встаешь среди ночи в полусне в туалет и делаешь что-то, чего потом сам не можешь вспомнить.

Лёня молчал, обдумывая ее слова. Маме, ясное дело, виднее. Раз она говорит, что бывает такое, значит...

– Ау, ты чего там притих? Все хорошо?

– Угу.

– Хочешь, мороженого куплю? Поедим с тобой вечером. Что скажешь?

Мороженое – это всегда здорово. Вешая трубку, Лёня уже воспрял духом. Переставил стул на его законное место, заправил кровать и пошел умываться.

Завтракал, глядя в окно, и увидел, что внизу, возле песочницы, сидит на лавочке мальчик примерно его возраста. Лёня раздвинул занавески, чтобы получше его рассмотреть и решить, не стоит ли спуститься и познакомиться, но тут мальчик поднял голову и посмотрел на него. Их разделяли четыре этажа, но все же было заметно, что на лице мальчика промелькнуло что-то, сильно напоминающее страх.

Он устоялся на Лёню, а потом вскочил с лавки и бросился прочь.

«Что его так напугало?» – Лёня мыл тарелку и чашку тщательно, как учила мама, чтобы не оставалось разводов и следов пищи, и чувствовал, что настроение испортилось.

Внезапно раздался глухой стук, словно что-то упало. Лёня прислушался. Кажется, это из его комнаты! По телу побежали мурашки. Там ведь нет никого – кто мог что-то уронить?

Лёня стоял возле раковины, думая, что делать. Идти в комнату было страшновато, но не идти нельзя. Не может же он до прихода мамы просидеть на кухне. Да и потом, что он – трус?

«Посмотрите, кто тут у нас! Что это за девочка? А, это же Лее-е-еночка!» – всплыло в голове.

Лёня сжал кулаки и перевел дыхание. Ничего там нет страшного! Просто ерунда какая-нибудь. Чтобы не растерять решимости и не дать себе возможности передумать, он почти бегом побежал в детскую.

Комнаты были сквозные, поэтому ему пришлось пробежать через гостиную (она же – мамина спальня). Краем глаза Лёня заметил что-то серое в углу, возле балконной двери, но, обернувшись, ничего необычного не увидел. Показалось, наверное, решил он и открыл дверь.

Стул, который Лёня приставил к столу, валялся посреди комнаты. Мальчик застыл, как вкопанный, глядя на него. Покрывало, которым он застелил кровать, было сброшено на пол и скомкано.

Лёня попятился.

– Кто здесь? – прошептал он.

Никто не ответил, но ему все равно показалось, что кто-то есть рядом: стоит прямо за его спиной, дышит, буравит взглядом, следит за каждым движением. От страха стало больно дышать. Ноги сделались тяжелыми, как пудовые гири, и приросли к полу.

А потом сбоку раздался смех. Даже не смех – хихиканье. Тихое, маленькое, будто кто-то смеется в кулачок тоненьким ехидным голоском.

Не выдержав, Лёня завопил во все горло и выскочил из комнаты. На глаза наворачивались слезы – он и не думал, что от страха можно плакать! Маленьким вихрем промчался через мамину комнату и выбежал в прихожую. Загремел ключами, все время ожидая, что кто-то схватит его за плечо, но ничего, обошлось.

Открыв дверь, Лёня выскочил в коридор и захлопнул ее за собой, запирая на все замки, чтобы то, что осталось внутри, не выбралось и не схватило его.

Весь день, до прихода мамы, он пробыл на улице. Мама работала посменно – иногда с раннего утра и до обеда, а в другие дни – с обеда до позднего вечера. Но часто пропадала в поликлинике и целый день: брала двойные смены, потому что им нужны были деньги. А еще и по ночам два – три раза в месяц дежурила.

Телефон остался в квартире, так что позвонить маме Лёня не мог. Сходил в парк, который был неподалеку, погулял, покатался на качелях, но большую часть времени сидел на лавочке возле дома. К вечеру захотелось есть, но пришлось терпеть. С туалетом было проще – кустов в парке полно. Нехорошо, конечно, так делать, некультурно, но ведь иного выхода нет.

Увидев маму, идущую к дому, Лёня бросился к ней со всех ног.

– Лёнька? – Мама едва не выронила из рук пакет с продуктами. – Ты чего тут...

– Там кто-то есть! – Лёня прижался к маме. – В квартире.

Мама ахнула и посмотрела на него.

– Грабитель? Чужой человек? Ты его впустил? Он сделал тебе больно?

– Нет-нет! – Лёня замотал головой. – Это не человек! Это...

На мамином лице отразилось облегчение. Она взяла сына за руку и повела к подъезду.

– Господи, а я уж испугалась! Тебе просто показалось, вот и все, глупыш!

– Да нет же! – выкрикнул Лёня. – Почему ты меня не слушаешь?

Мама быстро огляделась по сторонам: не хотела, чтобы другие люди слышали, как Лёня кричит. Но никого поблизости и не было. А те, кто был, не обращали на них внимания.

– Что там стряслось?

Лёня быстро пересказал маме утренние события и прибавил:

– Не надо туда ходить, мам. Давай уедем отсюда!

Они уже поднимались по лестнице.

– Сынок, мы не можем. Сам подумай, куда мы пойдем? На улице, что ли, ночевать? И мы уже заплатили за два месяца вперед.

– Ты сейчас сама все увидишь, – сказал Лёня. – Поймешь.

Мама вздохнула и отперла дверь. В квартире было тихо. Они зашли: мама впереди, Лёня следом. Наверное, надо было идти первым, он ведь не семилетка какой-нибудь, скоро десять исполнится, но духу не хватало.

– Видишь? – спросил Лёня, указывая на опрокинутый стул и скомканное покрывало.

Мама вздохнула и привлекла его к себе.

– Вижу, – грустно сказала она. – И ты, выходит, целый день так на улице и проторчал?

Позже, вечером, когда они поужинали, Лёня сидел перед телевизором и ел мороженое. Мама говорила с кем-то по телефону, и до него доносились обрывки фраз, хотя она старалась говорить тихо. «Не хватает внимания», «растет без отца», «вечно на работе», «сам себе предоставлен».

Лёня уже понял, что мама не поверила ему. Решила, что он сам погром устроил, только бы она его пожалела. Мама не ругала его, наоборот, была с ним еще ласковее, чем всегда, разрешила спать сегодня с ней на диване, потому что в своей комнате он оставаться боялся, обещала, что завтра не пойдет на работу, и они весь день проведут вместе.

Следующий день прошел так хорошо, что Лёня умудрился почти обо всем забыть: они с мамой отправились в кино, потом гуляли в парке, а потом пошли в кафе и наелись до отвала разных вкусностей.

Вечером мама возилась на кухне, а Лёню отправила в ванную. Дверь запирает она не разрешала – боялась, мало ли что. Лёня стоял под душем, старательно намазываясь любимым гелем с банановым ароматом. В какой-то момент он повернул голову и увидел за занавеской тень.

– Мама? – пискнул он, хотя сразу понял, что никакая это не мама.

То, что стояло в двух шагах от Лёни, было ниже ростом. Кажется, даже ниже его самого. Оно просто стояло, и Лёня стоял тоже, чувствуя, что все тело словно бы покрывается ледяной коркой.

Вода с шумом лилась в ванну, но сквозь этот шум диковинным образом слышно было, как существо за занавеской тихонько хихикает.

«Колобок-колобок, я тебя съем», – говорил Волк в мультике и облизывал длинные острые зубы.

Лёне казалось, что это существо тоже затем и пришло – съесть его.

«Мама, мамочка, пожалуйста, приди сюда, спаси меня!» – умолял Лёня, чувствуя, что от ужаса не может ни пошевелиться, ни позвать ее. Он просто смотрел на неясный силуэт неизвестного существа, понимая, что если оно набросится на него, то он не сумеет дать отпор.

Внезапно существо выбросило руку вперед и коснулось занавески. Лёня отпрянул и заорал, что есть мочи. Поскользнулся, упал, ударившись спиной о край ванны. Как до этого он не мог издать ни звука, так теперь не мог перестать кричать: бился в воде, зажмурив глаза, и вопил, вопил, а вода все текла из крана.

Мама прибежала, но войти почему-то не могла.

– Лёня! Сынок, что с тобой! – кричала она с другой стороны двери. – Открой! Открой, ты меня слышишь?

Он слышал, как мама дергает ручку. Надо было вылезти из воды и подойти к двери, помочь ей, но ведь там – оно!

Наконец мама ворвалась в ванную. Занавеска отъехала в сторону, мама бросилась к Лёне, вытащила его из воды. Крутила в разные стороны, ощупывала руки-ноги:

– Где болит? Лёничка, что с тобой? Ты упал? Поранился?

Чуть позже, закутанный в мамин махровый халат, он лежал на ее разобранном диване и пил молоко с медом. Мама сказала, что это поможет успокоиться. Она сидела рядом и смотрела на него внимательным, чуть строгим взглядом – этот взгляд Лёня называл «врачебным».

Лёня рассказал, что произошло, но она опять не поверила.

– Оно не давало тебе войти! Оно существует!

– Сынок, дверь просто заклинило. Потом же она открылась.

– Я не вру! – с отчаянием проговорил Лёня охрипшим от воплей голосом.

Мама устало прикрыла глаза.

– Никто не говорит, что врешь. Ты упал, ударился. Там скользко: ты геля этого целый литр на себя вылил. Больше не будешь один в ванной оставаться, я рядом...

– Да нет же! – перебил Лёня. – Я сначала эту тень увидел, а уже потом упал! Когда оно руку протянуло! Знаешь, делают же так с детьми: «Бу!»

«Врачебный» взгляд стал еще строже.

– Хорошо. Давай о другом поговорим. Вот это тоже «оно» написало?

Мама протянула Лёне клочок бумаги. На нем «квадратными» печатными буквами, неумело, как пишут маленькие дети, было выведено одно слово: «Поиграем?»

Лёня не мог поверить своим глазам. Он не писал записки, да и давно уже умел писать письменными буквами, он ведь уже в третий класс перешел.

– Думаешь, я нарочно все подстроил? – Лёня чуть не плакал.

Мама обняла его, прижала крепко-крепко.

– Не переживай. Я не сержусь – нисколечко, ни капельки.

На следующий день мама взяла Лёню с собой на работу. Он сидел в комнате отдыха, пока она работала, рисовал, играл, пил сок и ел печенье. Одна пожилая медсестра угостила его бананом, он поблагодарил, потому что нужно быть вежливым, но есть не стал, да и вообще отложил фрукт подальше: запах бананов напоминал о том, что произошло вчера.

Когда мама закончила работу, то повела его к врачам. Она и сама была доктором, так что у нее везде были знакомые специалисты. И сегодня они пошли сразу к двум.

Один был молодой и веселый, и медсестра в его кабинете – такая же. Он светил Лёне в глаза, надевал на руку какую-то штуковину, лепил на тело непонятные кругляшки. У Лёни взяли анализы, потом он сидел в коридоре, а мама с доктором о чем-то говорила.

– Никаких отклонений не вижу, – сказал он в итоге, когда они снова все вместе собрались в кабинете. – Можно провести еще некоторые исследования, но оснований для беспокойства не вижу.

Второй доктор был старый и очень странный. Выслушав Лёнину историю, которую мама велела ему рассказать, он что-то писал в блокнот, качал головой и надувал щеки. А потом начал задавать глупые вопросы, которые вообще никакого отношения к тому, что случилось, не имели. Спрашивал про папу, про бабушку – папину маму, школу, друзей. Просил рисовать картинки – это было весело, хотя и непонятно, зачем.

Лёня отвечал, рисовал, а в итоге этот врач сказал примерно то же, что и другой. Патологий на первый взгляд нет, хотя... Дальше он «понёс пургу» – так говорил Лёнин друг Руслан, с которым они раньше жили в одном дворе. Говорил непонятное, и мамино лицо вытягивалось, глаза становились грустными.

После, когда они шли домой, Лёня спросил, что доктор имел в виду, и мама ответила, но как-то вскользь, неохотно, будто при этом думала о чем-то своем. Лёня понял, что она расстроена.

– Ты совершенно здоров, только сильно волнуешься. Это называется «стресс». Переезд, новый дом и новая школа – доктор сказал, тебя все это пугает, и страхи кажутся материальными. Ничего, мы попьем успокоительное, в школе у тебя появятся друзья. Все наладится.

Вечером Лёня слышал, как мама плачет в ванной. Лёня-то знал, *что* его пугает на самом деле, только ведь она не верила. Думала, что виновата, что Лёне плохо живется, и он, еще такой маленький, постоянно предоставлен сам себе, что она не может заменить ему папу... Мама как-то говорила об этом своей подруге, Лёня случайно услышал.

Но если опять начать говорить ей про свои страхи, она еще больше расстроится, поэтому Лёня решил молчать. И еще подумал: что бы ни поселилось в этой квартире, нужно просто не обращать внимания – может, тогда оно само уйдет?

... Прошли несколько дней. Лёня пил таблетки, которые давала ему мама, и спал хорошо, тем более что она пока не отправляла его спать к себе в комнату. Днем, оставаясь один, он почаще выходил на улицу, чтобы не быть дома, изо всех сил старался быть спокойным, хотя это было трудно.

Ощущение, что кто-то наблюдает за ним, стоит за спиной и вот-вот коснется, становилось все сильнее и отчетливее. Вещи постоянно перебежали с места на место, как будто у них выросли ноги. Чашка, альбом с рисунками, карандаши, телефон то и дело оказывались не там, куда он их клал, и Лёня даже стал привыкать к этому, уговаривал себя не бояться, хотя всякий раз, получая доказательства того, что в квартире, кроме него, есть еще кто-то, мороз пробирал по коже.

Несколько раз, сидя в своей комнате, Лёня слышал в коридоре шаги. Мелкие, осторожные шажочки, точно кто-то крался по дому, старясь, чтобы его не заметили. Выходить в коридор было страшно: казалось, неведомое существо караулит в коридоре, поджидает возле вешалки с пальто и куртками.

Однажды Лёня нашел под подушкой бумажку с надписью «Я иду искать». Буквы были нестройными, плясали по строчкам. Но смысл был зловещим, и он поскорее выкинул листок в мусорное ведро.

Маме Лёня ни о чем не говорил, и она, кажется, успокоилась, поверила, что все прекратилось.

Через три дня, когда Лёня снова был один и сидел на кухне за ноутбуком, он снова увидел сбоку, в дверном проеме, что-то серое. Застыл, боясь повернуть голову. Одно дело чувствовать чужое присутствие, и совсем другое – увидеть своими глазами жуткое существо. А в то, что оно именно такое, Лёня не сомневался.

Оно стояло там – невысокий, будто окутанный серой дымкой силуэт, и с той стороны шел холод. Так бывает, когда в мороз открыта форточка. Лёня слышал знакомый приглушенный смех – не то детский, не то старческий, но не веселый, а злой, и тихое бормотание.

Ладони стали мокрыми. Одной рукой он вцепился в «мышку», вторая лежала на столе, и Лёня видел, что она дрожит. Все тело покрылось липким холодным потом.

«Не смотри туда! Не оборачивайся!»

Но существо, кажется, хотело именно этого: чтобы он повернул голову и посмотрел; заглянул в голодные нечеловеческие глаза, и его разум не выдержал, стал мягким и податливым; чтобы он потерялся где-то внутри себя самого и не смог больше выбраться...

Сам не понимая, зачем делает это, вообще почти ничего уже не соображая, Лёня, глядя перед собой на экран ноутбука, вдруг во все горло затянул песенку из своего любимого мультика «Время приключений»:

«Мы пойдем с тобой
С мотыльками и пчелой
Побродить дремучим лесом,
Любуясь красотой...»

Он пел и пел, не отводя взгляда от монитора, хотя ничего там толком не видел; пел, пока не понял, что серое марево справа от него исчезло.

– Я прогнал тебя! – выкрикнул Лёня и повернул голову.

Существа в дверном проеме и правда не было. Зато там лежал синий плюшевый заяц, которого подарила ему бабушка. Живот зайца был вспорот, глаза вырваны, а в улыбающийся рот сунута записка: «Я приду за тобой!»

Лёня шархнул к окну и увидел на качелях того мальчишку, который в прошлый раз сбежал, едва заметив его. Стремглав выскочив из кухни, стараясь не задеть изуродованного зайца, Лёня схватил ключи и телефон и выбежал вон из квартиры.

Мальчик все так же сидел на качелях.

– Привет, – поздоровался Лёня. – Я видел тебя в окно. Ты посмотрел на меня и убежал. Почему?

Мальчишка открыл было рот и сделал неловкое движение, будто снова хотел рвануть отсюда куда подальше. Но потом нахмурил брови и уставился на Лёню.

– Ты что, живешь в той квартире? – недоверчиво спросил он.

– Живу. Мы с мамой недавно переехали. Я Лёня. А тебя как зовут?

– Марк. – Они пожали друг другу руки. – Тебе сколько лет?

– Девять, – ответил Лёня.

– Может, в одном классе будем учиться. – Марк отчего-то вздохнул. – Это плохая квартира. Я подумал, что там, в окне, не ты, а она. Поэтому сбежал.

– Она? – Лёня присел на соседние качели. – Что за «она»?

– Серая старушка, – шепотом ответил Марк. – Ты ее видел?

Серая, мелькнуло в голове. С одной стороны, Лёне стало страшно, но с другой – теперь он точно знал, что не спятил. То создание существует! У него даже есть имя.

– Да, – ответил он и рассказал обо всем, что ему довелось пережить после переезда. – Заяц там и лежит до сих пор. Хочешь, посмотрим вместе?

Марк испуганно покосился на Лёню.

– Я туда ни за что не пойду.

– Что это за Серая старушка? – спросил Лёня.

– Ваша квартира – проклятая. Там давно, много лет назад, мальчик жил с родителями. Артем. Вот он первым ее увидел, Серую старушку. Он лежал в больнице, и там была девочка, он с ней подружился. Только он выжил, а она умерла. Он вернулся домой, а она не захотела его оставлять, только теперь это была уже не девочка... – Марк передернул плечами. – Я тоже в этом доме живу, в пятом подъезде, и мой папа, когда был маленький, с этим Артемом дружил. Когда все случилось, я слышал, как они с мамой про Серую старушку разговаривали.

– Что случилось-то?

– Погоди, сейчас. – Марк чертил на земле узоры носком кроссовки. – Она пугала Артема, говорила, что хочет с ним поиграть, и была страшная-страшная. Артем моему папе рассказывал обо всем. Потом Артем с родителями переехал в другой город. Сейчас он большой, как мой папа. А квартиру купили другие люди, и про Серую старушку все забыли. Те люди жили себе и жили, пока у них не родился ребенок, девочка. Она постоянно плакала, а когда выросла немножко и научилась говорить, то тоже твердила маме и папе про Серую старушку. Наверное, они ей не верили, но в итоге девочку нашли мертвой. Она лежала в кровати и была синяя-синяя, а глаза выпучены, а кишки...

– Хватит! – Лёня не мог этого слушать. – Я понял. Что было дальше?

– Мама ее попала в психушку. Говорят, она и сейчас там. Отец уехал куда-то, а квартиру эту сдают. Когда там взрослые живут, то все нормально, они ничего не видят. Серая старушка приходит только к детям, потому что хочет с ними поиграть. Хочет забрать их с собой!

Марк помолчал немного. Лёня понял, что это еще не конец истории.

– До вас с мамой в той квартире жил мой друг, Вадик. Он был старше меня на год, мы тут же и познакомились, во дворе. Сначала все было хорошо, Вадик ничего не замечал, но потом стал рассказывать... – Марк поёжился. – Примерно, как ты. Он говорил родителям, но они не верили. Они были занятые, постоянно на работе. Через три месяца Вадик из окна выбросился. Ночью. Кричал так, что вся улица сбежалась. Стоял на подоконнике и вопил: «Серая старушка! Уйди от меня!» и все такое. Родители пытались дверь открыть – так и не смогли. Только когда он выпал, дверь открылась. Она и не заперта была.

Лёня слушал, не в силах произнести ни слова. Неужели и его ждет то же самое? Ведь Серая старушка уже написала, что придет за ним.

– Что теперь делать? – спросил он, хотя ясно было, что Марк не знает.

Новый приятель посмотрел на него с жалостью, как на больного котенка.

– Может, маме сказать? Она у тебя как – ничего?

Мама у Лёни была самая лучшая, только вот это ничего не меняло. Они с Марком еще немного посидели, поговорили, а потом Марка позвала бабушка. Лёня тоже пошел домой. Нужно было убрать разорванного зайца, потому что иначе мама опять расстроилась бы и повела его к врачам.

Пока шел, ноги буквально подкашивались. Чем выше поднимался, тем меньше хотелось заходить в квартиру. А оказавшись возле двери, Лёня долго стоял и смотрел на нее, не решаясь открыть.

Солнце светило в окно подъезда, крохотные пылинки кружились в его лучах. Сейчас ведь день, подумалось Лёне, а все страшные вещи обычно происходят по ночам. Может, то, что поджидало внутри, не выносило солнечного света? Оно только пугало Лёню, но вреда пока не причиняло. Значит, нужно быть молодцом, не показывать Серой старушке, что боишься!

Лёня решительно повернул ключ и вошел в квартиру.

Мама вернулась через полтора часа, и он постарался встретить ее, как ни в чем не бывало. Несчастный заяц покоился в мусорном баке, Серая старушка больше не показывалась, и Лёня почти честно ответил маме, что все хорошо, когда она спросила его, как дела.

Она переделалась и принялась готовить ужин. Лёня старался быть поближе к ней. Потом они ели, и за столом мама сказала:

– Завтра у меня ночное дежурство в неотложке. Я в первую смену отработаю, потом приду домой, приготовлю тебе тут все, а в шесть вечера уйду. Вернусь утром рано, ты еще спать будешь. Ну, все как обычно.

Лёня молчал, уставившись в тарелку. Слова не шли с языка.

– Малыш, – мама погладила его по руке. – Нам деньги нужны, ты же знаешь. Не в первый раз у меня дежурство, ты чего расстроился? Пару ночей в месяц одному оставаться – это не так уж плохо.

Как ей сказать? Она ведь только-только успокаиваться начала, поверила, что он в порядке. Но если не сказать...

– Мам, – Лёня поднял голову и посмотрел на нее. – Я сегодня с одним мальчиком подружился. Мы, может, в один класс будем ходить.

– Здорово! – обрадовалась мама. – Вот видишь!

– Он сказал, что раньше в этой квартире жил его друг. И он умер.

– Господи. – Мама прижала руки к груди. – Он болел?

– В окно выбросился. Пожалуйста, давай уедем отсюда. Пусть у меня не будет своей комнаты – мне с тобой в одной даже лучше! И в школу пусть далеко ходить, а если тебе дежурить нужно будет – тоже пускай, я могу и убираться дома, и в магазин, и... – Лёня запнулся. – Только давай не будем тут больше жить.

Видно было, что маме его слова не понравились. На усталом лице промелькнуло раздражение, и Лёня подумал, что сейчас она станет его ругать, но ошибся.

– Сынок, это очень хорошая квартира. И недорогая, и расположена удобно, и мы уже тут устроились. Я не хочу больше переезжать. То, что этот мальчик умер, конечно, ужасно, но, возможно, он был немного... Ну, ненормальный. Просто так люди в окно не прыгают. Или он нечаянно выпал. Уезжать из-за этого просто глупо.

– Не глупо, – упрямо сказал Лёня. – Мне здесь...

– Не нравится! – воскликнула мама. Лёня вообще-то хотел сказать «страшно». То, что не нравится, он мог бы перетерпеть. Но мама не слушала. – Ты думаешь, я не понимаю? Меня тоже вся эта неустроенность измучила. Мне уже тридцать пять скоро, а своего жилья так и нет, и ты из-за меня по съемным квартирам мотаешься. – Она подошла к нему, порывисто обняла. – Прости меня, я... Я очень хочу проводить с тобой больше времени, и чтобы у нас появился свой собственный дом. Не хотела раньше времени говорить, но я была в банке, подала заявку. Если все будет хорошо, мне одобрят ипотеку. – Она заколебалась. – Я говорила, что планировала именно эту квартиру, но...

– Нет! – Лёня не сдержался и закричал. – Ни за что! Только не ее!

– Хорошо, хорошо, – маму испугала его вспышка. – Значит, выберем другую.

– А когда? – с надеждой спросил Лёня. – Через сколько дней?

Мама отошла от него, принялась складывать в раковину грязную посуду.

– Это дело не одного дня. Пока найдем квартиру, пока оформим все бумаги, пока въедем. Думаю, месяца через два или три.

«Тот мальчик умер через три месяца, – обреченно подумал Лёня. – Значит, я тоже умру».

Вечером, когда они с мамой легли спать, Лёня все думал, как доказать, что он не врет, что Серая старушка существует. Лежал у стенки, зажмурившись, хотя пока это существо не показывалось. Может, боялось маму, а может, выжидало, зная, что никуда Лёня не денется.

Утром он встал сразу вслед за мамой. Она спросила, чего он вскочил так рано, и Лёня попросился с ней на работу. Видно было, что она не хочет его брать, но, памятуя, что сегодня ему придется ночевать одному, разрешила.

К обеду они вернулись домой, мама хлопотала на кухне, Лёня был рядом, старался помочь. Мама хвалила его и говорила, какой он умница. Мысль о том, что ему придется ночевать одному, пугала так, что даже думать об этом было страшно. И Лёня старался не думать.

Ближе к шести мама стала собираться на дежурство. Лёне хотелось броситься к ней и просить, чтобы она никуда не уходила, но он понимал, что его просьбы ничего не изменят.

Хлопнула дверь. В квартире было по-прежнему тихо, но, кажется, тишина эта стала другой. Осязаемой, липкой, как паутина. Что-то рождалось в ней, пытаясь дотянуться до Лёни.

Он схватил телефон и выбежал на балкон.

Здесь было светло, солнечно и шумно. Кругом полно народу: люди прохаживались туда-сюда, заходили в подъезды и выныривали обратно; выгуливали собак, тащили из магазинов тяжелые сумки, парковали автомобили. Дети смеялись, с визгом съезжали с горок на детской площадке, крутились на каруселях.

Никому не было дела до Лёни, который скорчился на маленькой табуретке и смотрел по сторонам, надеясь побороть свой страх. Постепенно это удавалось, он чувствовал, что дыхание выравнивается, а в голову пришла мысль, что он запросто может просидеть тут всю ночь. Возможно, здесь Серая старушка до него не доберется.

Прошел час. Еще один. Минуты неслись вперед, скоро уже девять вечера. Зарядка на телефоне заканчивалась. Но хуже всего было то, что становилось темно и холодно.

С далекого севера налетел ветер, закружил в танце выброшенный кем-то полиэтиленовый пакет. Наползла сизая туча и закрыла своим брюхом небо, приготовившись расплакаться дождем.

Лёне дрожал в шортах и футболке с коротким рукавом. Балкон не был застеклен, и если пойдет дождь, то он точно вымокнет до нитки. Руки покрылись гусиной кожей, а еще хотелось в туалет.

Двор погрузился в темноту. За спиной у Лёни тоже расползся мрак: он не додумался включить люстру, когда выбежал на балкон.

В соседних окнах зажегся свет, и Лёня с завистью думал о людях, которые сидят себе в уютных квартирах, смотрят телевизор, беседуют о чем-то. У них обычный вечер, а в домах – никаких потусторонних пришельцев.

Может, мама права? Нет никого, и бояться нечего, он все выдумал?

Да, но как же тот мальчик, что жил здесь раньше? А маленькая девочка, которая умерла ночью? А этот Артем?..

В туалет хотелось уже нестерпимо. Лёню трясло от холода, однако он все еще терпел, не решаясь вернуться в квартиру.

Но потом начался дождь. Сначала на землю упали мелкие, робкие капли, а вскоре ливень разошелся, обрушился на город, и сидеть на балконе стало невозможно.

Лёня распахнул дверь и шагнул в темную комнату. Не давая себе времени задуматься, промчался через нее, шарахнув рукой по стене и чудом угодив в выключатель. Свет вспыхнул, и ему стало чуть спокойнее. Так, теперь включить свет в ванной и закрыться внутри. Есть!

Закончив свои дела, Лёня спустил воду. Вымыл руки и вытерся большим полотенцем. Футболка была мокрая, противно липла к телу, и Лёня снял ее, бросил в корзину с грязным бельем.

Припал ухом к двери, прислушался. Кажется, ничего необычного. Ни тихого зловещего смеха, ни шарканья по полу маленьких ножек. Лёня решил выйти из ванны, взять чистую футболку и пойти на кухню. Он думал, что не голоден, но при мысли о блинчиках со сгущенкой, которые напекла для него мама, в животе заурчало.

Дверь открылась с тихим скрипом. Лёня с замирающим сердцем выглянул в коридор. Шагнул за порог и быстро зажег свет в коридоре.

«Вот видишь, все хорошо, – сказал он сам себе. – Ничего не случилось».

Приободрившись, мальчик прошел через большую комнату. Балконная дверь было приоткрыта, снаружи веяло сыростью и холодом. Слышался грохот дождя, прозрачная тюлевая занавеска надувалась от ветра, как парус.

Лёня быстро пересек комнату, захлопнул дверь, запер ее на задвижку и задернул занавеску. Взгляд его упал на пульт от телевизора, который лежал на диване. Лёня быстро схватил его и нажал на кнопку.

Человеческие голоса ворвались в сонную тишину квартиры и раскололи ее, разбили на кусочки. Экран телевизора был окном в нормальную, обыденную жизнь, и Лёня с удовольствием заглянул в него, чувствуя, что от души немного отлегло.

Это был его любимый канал, по которому круглосуточно показывали мультики. Лёня почти успокоился и даже улыбнулся, глядя на Губку Боба – нелепого, забавного, неунывающего. Сопровождаемый его голосом, он пошел в свою комнату за футболкой. А потом он пойдет на кухню, поставит чайник, положит в тарелку блинчиков, нальет себе чаю с молоком и вернется сюда, и будет смотреть мультфильмы, и...

Она была там, в детской. Едва заглянув в комнату, Лёня увидел сторбленный силуэт на фоне черного прямоугольника окна. Он не успел протянуть руку к выключателю, чтобы зажечь свет, и только стоял и смотрел на Серую старушку. А она смотрела на него.

Уши заложило. Писклявый голос Губки Боба растаял вдали, и теперь во всей Вселенной были только они: Лёня и враждебное, неведомое существо, которое все-таки подкараулило его. Пришло за ним.

Когда Серая старушка суетливыми короткими шажочками двинулась в его сторону, Лёню просто парализовало. Что-то в глубине, на периферии сознания, взывало к нему, умоляло отвернуться, убежать, закрыть лицо руками – сделать хоть что-то, только не стоять вот так, истуканом, покорно наблюдая, как жуткая сущность приближается к нему, неся с собой смерть и безумие.

Но Лёня не мог ни пошевелиться, ни убежать.

Серая старушка, что-то бормоча, шла к нему из темноты. Когда она достигла границы света, Лёня, наконец, увидел ее.

Маленькая, ростом меньше Лёни, она была замотана в пыльно-серые тряпки. Голова была опущена, нечесаные, неопрятные космы мышиноного цвета свисали по обе стороны лица, которое Лёня поначалу не разглядел.

«Уходи! – хотел сказать Лёня. – Зачем ты пришла?»

Из сведенного судорогой горла не донеслось ни звука. Но Серая старушка словно подслушала его мысли и посмотрела на него.

Никогда в жизни Лёня не видел ничего страшнее этого ухмыляющегося лица. Оплывшее, как восковая свеча, уродливое, сморщенное, это было лицо внезапно состарившегося ребенка. Вместо глаз зияли черные омуты, носа не было вовсе, а рот, растянутый в улыбке, полон кривых острых зубов.

– Я заберу тебя, – прошамкало существо и схватило Лёню за плечи.

Это дежурство выдалось спокойным: народу почти не было. А может, в такой ливень даже зубная боль не в силах была выгнать людей из дому. Оля осматривала пациентов, делала записи, задавала вопросы. В голове вертелись мысли о Лёне, которого она оставила одного на всю ночь.

Оля убеждала себя, что другого выхода не было, ведь им нужны деньги, дорога каждая копейка, тем более если ей придется вскоре выплачивать ипотеку. Только вот самые веские аргументы меркли, стоило ей вспомнить искаженное отчаянием родное личико.

Лёня старался быть сильным и держаться храбро – в свои девять он был больше мужчиной, чем многие в сорок, но Ольга все равно видела, как ему страшно.

Природы этого ужаса она понять не могла: сын уже с семи лет время от времени оставался ночевать один и научился быть самостоятельным. Но то, что происходило с ним в последние недели, после переезда в эту квартиру... Оля, хоть убей, не замечала в ней ничего плохого, так что вывод напрашивался один – тот же, к которому пришел психиатр: Лёня чувствует себя одиноким, брошенным и пытается привлечь к себе внимание всевозможными выходками.

Наверное, наверное... Но все же Оля полагала, что это слишком азбучно, слишком примитивно. Ее мальчик не мог чувствовать себя ненужным: они были близки, Лёня прекрасно знал, как сильно она его любит. Ему незачем было привлекать мамино внимание – оно и так всегда было приковано к нему!

Тогда что же творилось с ее сыном?

Следующей пациенткой была пожилая женщина, лицо которой казалось знакомым. Оля осматривала женщину, а сама вспоминала, где могла ее видеть.

– Зуб придется удалить. От него уже почти ничего не осталось.

Пациентка закивала головой, соглашаясь, и вскоре все было сделано.

– А мы ведь с вами в одном доме живем, – сказала женщина, собираясь уходить.

Точно! Вот где они встречались – во дворе!

– У вас болонка есть белая, так? – улыбнулась Оля. – А я сижу и думаю, почему мне ваше лицо знакомо!

– Меня зовут Анной. У вас очень милый сынишка. Серьезный такой, воспитанный. Вы в каком подъезде квартиру купили?

Ольга, продолжая делать записи, назвала свое имя, сказала, что не купила, а снимает, и пояснила, где именно.

Повисла пауза, которую Оля ощутила почти физически: ледяное, нависшее угрюмым облаком молчание. Она подняла голову и увидела, что лицо женщины побелело.

– Что с вами? Вам плохо? Аллергия на...

Анна помотала головой.

– Так вы живете в *той* квартире? – И, не успев Оля ответить, быстро добавила: – Если вы тут, то где мальчик?

– Дома, – ответила Оля, чувствуя, как в районе желудка разливается холод.

– Только не говорите, что он там один!

– Да, а что... – начала было Оля, но женщина не дала ей договорить. Быстро встала со стула и сказала: – Едем! Быстро! Сейчас же.

– Но я не могу! Я на дежурстве!

– Хотите увидеть своего сына живым, так идите домой! – Анна почти кричала, и это подействовало.

Ольга сразу, с ходу, поверила ей. Поверила потому, что уже видела сегодня это выражение неподдельного, неразбавленного никакими иными эмоциями страха. У сына, у ее любимого мальчика на лице был написан точно такой же ужас, когда она ушла и оставила его одного.

«Зачем, зачем я это сделала?» – билось в голове.

Ольга заперла кабинет и, никому ничего не объясняя, помчалась домой. К счастью, Анна была за рулем, так что метаться в поисках такси не пришлось.

– Слава Богу, тут недалеко. Минут за пятнадцать доедем.

– Что не так с той квартирой? – отрывисто спросила Ольга, сжимая в руках сумку.

– Я в этом доме с рождения живу, поэтому знаю. Старожилов почти не осталось и... Ладно, не важно. В этой квартире лет двадцать пять назад семья жила. Мальчик у них был, Артем. С него все началось. Он заболел, в больницу попал, а вернулся оттуда уже не один. То существо, что сейчас обитает в вашей квартире, увязалось за ним и не оставляло в покое. Мальчик называл его Серой старушкой и утверждал, что она хочет забрать его с собой.

– Но я ничего такого не видела! – прошептала Ольга.

– Вы взрослая, – отрезала Анна. – Серая старушка забирает только детей. Хочет поиграть с ними.

«Поиграем?» – было написано в той записке...

– Забирает? – еле выговорила Оля. – Тот мальчик погиб?

– Ему повезло. Родители продали квартиру и переехали прежде, чем это случилось. Но Серая старушка никуда не делась. Она ждала. И после этого в той квартире погибли двое детей. Я хорошо знала семью, которая купила квартиру. У них не было детей, Лада все пыталась забеременеть, и через несколько лет, наконец, ей удалось. Девочка родилась. Лада вся измучилась: ребенок вообще не спал, ночи напролет плакал. Всех врачей обошли – никаких отклонений.

«Никаких отклонений» – эхом отозвалось в голове Ольги.

– Потом, когда Настенька стала подрастать, все жаловалась, что у нее в комнате живет «страшная тетя». Вся серая, скрюченная. Что, мол, по ночам она смотрит на нее из угла, подходит к кроватке. У Лады вдобавок проблемы с мужем начались, погуливал он. Она разрывалась, вечно на нервах: Настя капризничает, муж как скотина себя ведет... Лада все время была на успокоительных. В ту ночь, когда все случилось, муж дома не ночевал. А Лада таблеток напилась, так что не слышала ничего. Утром пришла – девочка выпотрошенная, как цыпленок.

Ольга ахнула и зажала рот руками. Ей хотелось выскочить из машины и бегом бежать к дому. «Если с ним случится что-то, я не переживу», – подумала она.

– Полиция так и не дозналась, что случилось. То, что мать не убивала, было ясно. В дом никто не проникал. По всему телу девочки были следы укусов – кто или что могло их оставить, не выяснили. Отпечатков – никаких.

– А Лада?

– В клинике для умалишенных. Я навещаю иногда, но меня не пускают. Только передачу можно. Муж уехал куда-то, а квартиру сдают. До вас семья жила с мальчиком. Из окна выпал. Тоже про Серую старушку кричал.

– Риелтор мне не сказала, – слабо проговорила Оля. – Я не знала.

«Ты знала! – кричало сердце. – Лёня говорил тебе! Он говорил, а ты не слушала!»

– Даст Бог, успеем, – сказала Анна, заруливая во двор.

В знакомых окнах четвертого этажа горел свет.

Ольга выскочила из автомобиля еще до того, как он остановился, и помчалась к подъезду. Никогда раньше так быстро не бегала: едва не сорвала с петель дверь, ведущую в подъезд, взлетела по лестнице. Шел десятый час, народу на улице не было. В подъезде тоже пусто, лишь за дверями некоторых квартир слышны были голоса и шум работающих телевизоров.

«Сколько вокруг людей, и никто не поможет!»

Внизу хлопнула дверь, послышались шаги. Наверное, Анна. Если бы у нее не заболел зуб, если бы она не пришла сегодня в поликлинику, не начала разговор... Если бы...

Ольга трясущими руками сунула ключ в замочную скважину. Едва не сломав его, повернула, толкнула дверь.

– Лёня! – позвала она, забега в квартиру. – Лёничка!

Свет горел в крошечной прихожей, в ванной и в большой комнате. Лёня не отзывался. В кухне было темно, и Ольга, минуя ее, побежала в комнату. Никого.

Оля включила свет в детской, но лампочка взорвалась под потолком. И все же короткой вспышки света хватило, чтобы увидеть. Увидеть то, что навсегда впечаталось в память, осталось там кровавым рубцом.

Ее сын лежал на полу, раскинув руки. Над ним склонилось безобразное, скрюченное серое существо. В ту короткую секунду, когда Ольга могла что-то разглядеть, она увидела белое безносое лицо – маленькое, будто бы детское, но все в старческих морщинах; глаза-плошки без радужки и зрачков, седые лохматые волосы, зубы-иглы в ощерившейся пасти.

Ольга, не раздумывая, бросилась вперед. Кричала что-то, не помня себя, ей даже страшно не было – она должна была вырвать сына из рук этой твари.

Схватив Лёню, прижала его к себе. Почему-то он был без футболки. Кожа была прохладной, и на короткий миг – самый ужасный в ее жизни – Оле показалось, что она не успела. Но уже в следующий миг она ощутила на шее дыхание ребенка.

– Ольга! Вы где? – послышался голос Анны, и Оля поднялась, пошла на этот голос, крепко держа свою драгоценную ношу.

За спиной послышался не то смех, не то шипение, но Ольга не оглянулась.

– Все хорошо, – проговорила она и не узнала своего голоса.

Ольга увидела в прихожей Анну и, не останавливаясь, вышла из квартиры. Лёня, будто почувствовав, что они уже за пределами обиталища Серой старушки, пошевелился у нее на руках.

– Мамочка? Это ты?

Ольга прислонилась к стене и заплакала.

Анна вынесла из квартиры пальто, укутала Лёню.

– У меня переночуете. Утром вещи заберем, – сказала женщина.

Они так и жили у Анны, пока не переехали в новое жилье. Подальше отсюда, на другом конце города.

– Если у вас есть хоть капля совести, не сдавайте эту квартиру людям, у которых есть дети, – сказала Ольга риелтору.

Та сделала вид, что не понимает, о чем речь.

Ольга побывала в квартире лишь раз, когда собирала вещи. Их было не так уж много, но все равно пришлось нанять грузчиков, чтобы вынести и перетащить к Анне письменный стол, кресло, чемоданы.

Проводив грузчиков, Ольга еще раз обошла квартиру, проверяя, не забыла ли чего, и увидела в прихожей Лёнину курточку. Она сняла ее с вешалки и заметила, что из кармана торчит клочок бумаги.

Развернув листок, прочла: «Поиграем?»

– Убирайся в ад, тварь, – вслух проговорила Ольга.

Скомкала листок, швырнула его на пол, вышла из квартиры и захлопнула за собой дверь.

Эмма, Эмиль и я

Я знаю, что они все обо мне думают – соседи, коллеги. Были бы родственники и друзья, думали бы то же самое, просто нет у меня ни родных, ни друзей.

Есть только Эмма и Эмиль.

Каждое утро, когда я выхожу из дома и сажусь в автомобиль, Эмма выходит проводить меня: обнимает, прижимается губами к моим губам, замирает на мгновение, а потом отодвигается, улыбка озаряет ее прекрасное лицо, и она говорит:

– Хорошего дня, любимый. Я буду скучать.

Я поднимаю глаза и вижу, что наш пятилетний сын уже проснулся и машет мне из окна детской. Поднимаю руку и машу Эмилю в ответ, а потом сажусь в машину и уезжаю. Эмма стоит на подъездной дорожке, пока автомобиль не сворачивает за угол.

Рабочий день катится как обычно – час за часом, но я точно знаю, что Эмма позвонит мне, чтобы спросить, чего я хочу на ужин. Что бы я ни ответил, какое бы блюдо ни заказал, оно непременно будет ждать меня и окажется вкуснее, чем в самом дорогом ресторане. Эмма великолепно готовит – она абсолютно все всегда делает безупречно.

А если я скажу, что хочу сегодня сводить ее в ресторан, то могу быть уверен, что она поддержит мою идею – она поддерживает все мои идеи. К тому моменту, когда я приеду домой, чтобы переодеться, она будет ждать меня.

Как только я буду готов к выходу, Эмма окажется в прихожей, полностью одетая и накрашенная: мне не придется целый час торчать в машине в ожидании, пока она выйдет. Эмма не опаздывает, не копается, не капризничает, не вертится часами перед зеркалом. Удивительно, но она даже одевается и красится, не глядя туда: Эмма терпеть не может зеркал.

Эмиль будет в своей комнате: он такой самостоятельный, что нам не придется приглашать няню. Если мы задержимся, он почистит зубы, разделется и ляжет в кровать. Он самостоятельный, воспитанный, умный и послушный – именно такими и должны быть хорошие дети, верно?

Если же это будет обычный домашний вечер, то, когда я приду с работы, Эмма встретит меня с улыбкой и любовью во взоре, и мы проведем время втроем. Эмиль покажет рисунки, которые нарисовал для меня, расскажет, чем он занимался днем. Мы съедим приготовленный Эммой ужин, она вымоет посуду и приберет кухню, пока я смотрю телевизор.

Она ни словом, ни жестом не даст понять, что ей не нравятся передачи и фильмы, которые я смотрю. Да и зачем Эмме это делать, если наши вкусы и интересы полностью совпадают? Ей нравится то же, что и мне.

Это касается и секса.

Эмма хочет меня всегда, когда я хочу ее. Не отговаривается головной болью или дурным настроением. Моя жена готова делать то, о чем я прошу ее – и всегда охотно, с радостью. Она всегда испытывает оргазм в постели и говорит, что я самый лучший мужчина в ее жизни. Единственный мужчина.

Если же у меня был трудный день и я не настроен заниматься любовью, то Эмма и не подумает донимать меня упреками или обижаться. Эмма никогда не сердится на меня и никогда не докучает.

... Итак, как уже сказал, я знаю, *что* думают обо мне окружающие. Они завидуют мне – остро, до зубной боли.

Не только потому, что я богат. Главным образом потому, что меня, жирдяя с лысеющей макушкой и в очках с толстыми линзами, любит такая красавица, такая великолепная женщина, как Эмма. Потому что у меня, человека, который мучительно краснеет в обществе незнакомых людей, не блещет остроумием, не имеет друзей, есть такая чудесная семья.

А ведь так было не всегда. Еще несколько месяцев назад я был одинок. Работа, карьера – всё, что мне оставалось. Всё, что обычно и остается таким, как я: умненьким, но страшненьким. Тем, над кем измываются одноклассники, кого лупят местные хулиганы.

Я работал, как проклятый, с утра до ночи, без выходных, и в итоге мои идеи, моя фирма сделали меня миллионером. Зарабатывал я отлично, мог позволить себе и дорогие вещи, и машины, и отдых в любой точке мира, только все больше понимал, что не чувствую себя счастливым.

Деньги не придавали мне ни обаяния, ни привлекательности. Женщины, с которыми я проводил время, были со мной не потому, что я был им важен, нужен, дорог. Но потому лишь, что я им платил. Вы платили когда-нибудь за то, чтобы другой человек согласился провести в вами время? Если да, то должны понимать, что такая ситуация унижительна для обоих: и того, кто платит, и того, кто покупает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.